

велемир

хлебников

Зангези

п.м.

Москва 1922.

ЗАНГЕЗИ.

Введение.

Повесть строится из слов, как строительной единицы здания.

Единицей служит малый камень равновеликих слов. Сверхповесть или заповесть складывается из самостоятельных отрывков, каждый с своим особым богом, особой верой и особым уставом. На Московский вопрос: како веруеши? каждый отвечает независимо от соседа. Им предоставлена свобода вероисповеданий. Строевая единица, камень сверхповести,—повесть первого порядка. Она похожа на изваяние из разноцветных глыб разной породы, тело—белого камня, плащ и одежда—голубого, глаза черного.

Она вытесана из разноцветных глыб слова, разного строения. Таким образом находится новый вид работы в области речевого дела. Рассказ есть зодчество из слов. Зодчество из „рассказов“ есть сверхповесть.

Глыбой художнику служит не слово, а рассказ первого порядка.

В. Х.

Колода плоскостей слова.

I.

Горы. Над поляной подымается шероховатый прямой утес, похожий на железную иглу, поставленную под увеличительным стеклом. Как посох рядом со стеной, он стоит рядом с отвесными кручами заросших хвойным лесом каменных пород. С основной породой его соединяет мост-площадка упавшего ему на голову соломенной шляпой горного обвала. Эта площадка любимое место Зангези. Здесь он бывает каждое утро и читает песни.

Отсюда он читает свои проповеди к людям или лесу. Высокая ель, плещущая буйно синими волнами хвои, стоя рядом, закрывает часть утеса, казалось, дружит с ним и охраняет его покой.

Порю из-под корней выступают черной площадью каменные листы основной породы. Узлами вьются корни, там где высунулись углы каменных книг подземного читателя. Доносится шум соснового бора.

Подушки серебряного оленьего моха, в росе. Это дорога плачущей ночи.

Черные живые камни стоят среди стволов точно темные тела великанов, вышедших на войну.

Плоскость I-я.

П Т И Ц Ы.

Пеночка, с самой вершины ели, надувая серебрянное горлышко
пить пэттвичан! Пить Пэт твичан!

Пить Пэттвичан!

Овсяночка—спокойная на вершине орешника: кри-ти-ти-ти-ти-к.—
цы-цы-цы-сссы.

Дубровник. Вьер-вьор виру съек-съек-съек! Вэр-вэр виру сек-сек-сек
Вьюрок. Тьорти едигреди (заглянув к людям, он прячется в высокой
ели). Тьорти едигреди!

Овсянка, качаясь на ветке: Цы-Цы-Цы-сссы.

Пеночка зеленая, одиноко скитаясь по зеленому морю по верхним
вечно качаемым ветром волнам вершин бора: Прынь! пциреб-пциреб! Пциреб!
цэсэсэ.

Овсянка: цы-сы-сы-ссы. (качается на тростнике).

Сойка: Пиу! пиу! пьяк, пьяк, пьяк!

Ласточка: Цивить! Цизить!

Славка черноголовая: бебот эу-вевать!

Кукушка: Ку-ку! ку-ку! (качается на вершине).

Молчание.

Такие утренние речи птиц солнцу.

Проходит мальчик птицелов с клеткой.

Плоскость II-я.

Б О Г И.

Туман мало по малу рассеивается. Обнажаются кручи, похожие на
суровые лбы людей, которых жизнь была сурова и жестока, становится ясно:
здесь гнездуэт боги. У призрачных тел веют крылья лебедей, травы гнутса
от невидимой поступи, шумят.

Истина: боги близки! все громче и громче, это сонм богов всех наро-
дов, их с'езд, горный табор:

Т'ен гладит утюгом свои длинные до земли волосы, ставшие его одеж-
дой: исправляет складки.

Шангти смывает с лица копоть городов запада.

„Мало-мало лучше“.

Как зайцы над ушами висят два снежных пушистых клока. Длинные
усы китаецца.

Белая Юнона, одетая лозой зеленого хмеля, прилежным напилком
скоблит свое белоснежное плечо, очищая белый камень от накипи.

Ункулункулу прислушивается к шуму жука, проточившего ходы через бревно деревянного тела бога.

Эрот: Мара-рома,

Биба-буль:

Укс, кукс, эль!

Редэди ди ди ди!

Пири-пэпи, па-па-пи!

чоги гуна, гени-ган!

Аль, Эль, Иль!

Али, Эли, Или!

Эк, ак, ук!

Гамчъ, Гэмчъ, ю!

—Рпи! Рпи!

Ответ (боги) На-но-на!

Эчи, учи, очи!

Кези, неззи, дзигага!

Низаризи озирм.

мэамура зиморо!

Пипс!

Велес: Бруву руру руру ру!:

Пице цане сэ сэ сэ!

Бруву руру ру-ру-ру!

Сици, лици ци-ци-ци

Пенчъ, панчъ, пенчъ!

Эрот: Эмчъ, Амчъ, Умчъ!

Думчи, дамъчи, домчи,

Макарако кючерк!

Цицилици цицици!

Кукарики кикику.

Ричи чичи ци-ци-ци.

Ольга, Эльга, Альга!

Пиц, Пачъ, лочъ! Эхамчи

Юнона:—Пирарара—Пируруру!

Лео лоло буароо!

Вичеоло сесесэ!

Вичи! Вичи! мби би!

З Изазма изазо!

Эпс, Апс, Эпс!

Мури-гури рикокко!

Мио, Мао, мум!

Эп!

Ункулункулу:—Рапр, грапр, апр! жай!

Каф! Бзуй! Каф!
Жраб, габ, бокв—кук
ргупт! тупт.

(носятся в воздухе боги)

Опять темнеет мгла синяя над камнями. *Люди.*

Плоскость III-я.

(из колоды пестрых словесных плоскостей).

Люди:—О, Господа мать.

1-й прохожий: Так он здесь? Этот лесной дурак?

2-й прохожий: Да!

1-й прохожий: Что он делает?

2-й прохожий: Читает, говорит, дышит, видит, слышит, ходит, по
утрам молится.

1-й прохожий: Кому?

2-й прохожий: Не поймешь! цветам? букашкам? лесным жабам?

1-й прохожий: Дурак! Проповедь лесного дурака! коров не пасет?

2-й прохожий: Пока нет. Видишь на дороге трава не растет, чистая
дорожка! Ходят. Протоптана дорога сюда к этому утесу!

1-й прохожий: Чудак, послушаем!

2-й прохожий: Он мило виден. Женствен. Но долго не продержится.

1-й прохожий: Слабо ему!

2-й прохожий: Да (проходят). Он наверху, а внизу эти люди,

3-й прохожий: Как плевательница? для плевков его учения?

1-й прохожий: Может быть, как утопленники? плавают, наглотались...

2-й прохожий: Как хочешь. Он спасительный круг.

1-й прохожий: Да! Брошенный с неба.

1-й прохожий: Итак учение лесного дурака начинается. Учитель Мы
слушаем.

2-й прохожий: А это что? Обрывок рукописи Зангези Прильнул к
корню сосны, забился в мышиную нору. Красивый почерк.

1-й прохожий: Читайте-же вслух!

Плоскость IV-я.

2-й прохожий: „Доски судьбы!“ как письмена черных ночей вырублю
вас, доски судьбы! Три числа! Точно я в молодости, точно я в старости,
точно я в средних годах, вместе идемте по пыльной дороге!

$10^3 + 10^4 + 11^5 = 742$ года 34 дня читайте, глаза, закон гибели царств:

Вот уравнение: $X = k + n(10^3 + 10^4 + 11^5) - (10^2 - (2n - 1)11)$ дней.

К=точка отчета во времени, римлян порыв, на восток битва при Аку-
цуме. Египет сдался Риму. Это было 2/IX 31 года до Р.-Хр.

При $n=1$, значение Икса в уравнении гибели народов будет следую-
щее $X=21/VII$ 711 или день гибели гордой Испании, завоевание ее арабами:

Пала гордая Испания!

При $n=2$, $X=29/V$ 1453. И пробил час взятия Царьграда дикими тур-
ками. Город царей тонул в крови и дикие в прелести выли турок волынки
труп Рима второго Осман попирал. В храме Софии голубоокой—зеленый
плащ пророка. На пузатых конях с белой простыней на голове едут побе-
дители.

Пенье трех крыльев судьбы! милых одним, грозных другим. Единица
ушла из пяти в десятку, из крыла в колесо и движенья числа в трех снимках
(10^5 , 10^4 , 11^5) запечатлены уравнением.

Между гибелью Персии Великого и гибелью Рима от мощных ударов
Алариха 24/VIII 410 года прошло: 741 год или $10^5+11^5+10^4$ —

$$\frac{3^6+1}{2} \cdot 2^3 \cdot 3^2 \text{ дней.}$$

Доски судьбы! читайте, читайте прохожие! Как на тенеписи, числа
борцы пройдут перед вами, снятые в разных сечениях времени, в разных
плоскостях времени, и все их тела, разных возрастов сложенные вместе,
дают глыбу времени между падениями царств, наводивших ужас.

2-й прохожий: Темно и непонятно.

Но всетаки виден коготь льва! чувствуется. Обрывок бумаги где за-
печатлены народов судьбы для высшего видения.

Плоскость слов V-я.

Чангара Зангези пришел! Говорливый, говори, мы слушаем.

Мы—пол, шагай по нашим душам. Смелый ходун!

Мы верующие, мы ждем. Наши очи, наши души пол—твоим шагам
неведомый.

Иволга: Фю Эу.

VI.

Зангези: Мне, бабочке, залетевшей

В комнату человеческой жизни,

Оставить почерк моей пыли

По суровым окнам, подписью узника.

На строгих стеклах рока

Так скучны и серы

Обои из человеческой жизни!

Окон прозрачное нет!

Я уж стер свое синее зарево, точек узоры
Мою голубую бурю крыла—первую свежесть
Пыльца снята, крылья увяли и стали прозрачны и жестки,
Бьюсь я устало в окно человека
Вечные числа стучатся оттуда

Призывом на родину, число зовут к числам вернуться.

2-й прохожий: Бабочкой захотелось быть, вот чего хитрец захотел!

3-й прохожий: Миляга! какая он бабочка... баба! он!

Верующие: Спой нам самовитые песни! Расскажи нам о Эль!

Прочти на заумной речи. Расскажи про наше страшное время словами
Азбуки! Чтобы мы не увидели войну людей, шашек Азбуки, а услышали
стук длинных копий Азбуки. Сечу противников: Эр и Эль, Ка и Пэ!

Ужасны их грозно пернатые шлемы, ужасны их копыя! Страшен очерк
их лиц смуглого дико и нежно пространства. Тогда шкуру стран с'едает
моль гражданской войны, столицы засыхают как сухари—влага людей
испарилась.

Мы знаем Эль—остановка широкой площадью поперечно падающей
точки, Эр—точка прорезавшая, просекшая поперечную площадь. Эр реет,
рвет, рассекает преграды, делает русла и рвы.

Пространство звучит через азбуку.

Говори!

VII.

Зангези: Вы говорите, что умерли Рюрики и Романовы, пали

Каледины, Крымовы, Корниловы и Колчаки...

Нет! С рабами боролась оборона панова,

Был 20 раз взят и разрушен Киев,

Стерт в порошок.

Богатый плакал, смеялся кто беден,

Когда пулю в себя бросил Каледин.

И Учредительного Собрания треснул шаг.

И потемнели пустые дворцы.

Нет, это вырвалось „рцы“

Как дыханье умерших

Воплем клокочущим дико прочь из остывающих уст.

Это „Ка“ наступало!

На облаке власти Эля зубцы.

Эль, где твоя вековая опала!

Эль—вековой отшельник подполья!

Гражданин мира мышей, бурною бросились бурей

К тебе сутки, недели, месяцы, годы—на богомолье.

Дни наступали Эля—погоды!

Эль, это солнышко ласки и лени! любви!
В „улье людей“ ты дважды звучишь!
Тебе поклонились народы
После великой войны.

Эр, Ра, Ро! Тра-ра-ра!

Грехот охоты, хохот войны.
Ты турусы на колесах,
В кованых гвоздях Скандинавии.
Парусом шумел по Руси,
Железным ободом телеги
На юг уносил
Крепкого снега на сердце ночлеги.
В мышцы тела вонзенные когти мороза.
Кляча—ветер России нес тебя.
И села просили: приехали гости бы!
Турусы на колесах
Разрушая уклады, ты не помнил преграды.
А вдаль стоял посох Гэ, сломанный надвое.
Эр в руках Эля!

Если орел, сурово расправив крылья косые, тоскует о леле
Вылетит Эр, как горох из стручка—из слова Россия.
Если народ обернулся в ланей,
Если на нем рана на ране,
Если он ходит точно олени
Мокрую черною мордую тычет в ворота судьбы.
Это он просит, чтоб лели лелеяли
Лели и чистые Эли, тело усталое
Ладом овеяли
И его голова

— Словарь только слов Эля
Хорем рыскавший в чужбине, хочет холи!
Эр во весь опор,
Несись не падая о пол! Объемы пути вычитай из преград.
Ты нищих лапоть
Обращаешь в народный ропот
Заменишь ропотом рыка!
Эр, ты пар, ты гонишь поезда
Цепочкой цуга крови чечевиц
По жилам северной Сибири
Или дворцы ведешь волнами.
Расцвет дорог живет тобою как подсолнух.
Но Эль настало—Эр упало.

Народ плывет на лодке лени
И порох боевой он заменяет плахой
А бурю булкой.
И плащаницами—пращу... и голодом
старинный город и гордых голыми.

А Эр луга заменит руганью,
Латы—ратью,
Оружие подымет вновь из лужи,
Не лазить будет, а разить!
На место больного поставит борца!
Застроит храмом хлам и в городах изгонит голод.
И вором волю стащит.
Ты дважды зазвучал в пророке
И глаждан обратило в граждан.
Пронзая темь времен,
Как *ка* звучало в Колчаке
Ка стегало плетью
Окова, закона, колов, и покоя, и камней
Пророков ими побивают
В нем казни на кол.
Когда ты, Эр, выл
В уши севера болотца!
Широкие уши болота
„Бороться брат, бороться“
— Охота у хаты за страшной грозой гнаться с белой борзой,
Чтоб вновь шла пехота, дд последнего хохота
Двух черепов последних людей у блюда войны.
В это время тяжкою поступью
Самоубийцы, шло по степи Ка,
Шагая к Элям неверными, как будто пьяного, шагами,
И крася облака судьбы собой,
Давая берег новый руслу человеческих смертей
Последним ходом в проигрыше—дуло у виска, идет бледнея Ка.
Эр, ра, ро!
Por! Por!
Бог Руси, бог руха.

Перун твой бог в огромном росте
Не знает он преград, рвет, роет, режит, рубит.
Вадор, что Каледин убит и Колчак, что выстрел звучал.
Это Ка замолчало, Ка отступило, рухнуло наземь.
Это Эль строит морю мора мол, а смерти смелые мели.

1-й прохожий: Он, ученый малый.

2-й прохожий: Но песнь его без дара. Сырье, настоящее сырье,
его проповедь. Сырая колода. Посушить мыслителя...

VIII.

Зангези: Эр, Ка, Эль и Гэ—

Воины азбуки.

Были действующими лицами этих лет.

Богатырями дней.

Воля людей окружала их силу,

Как падает с весел вода мокрая.

Лодку, лыжи, лет и лед, лапу

Ищет, кто падает, куда? в снег, воду и в пропасть, в провал

Утопленник сел в лодку и стал грести.

Лодка широка, не провалится.

И лени захотелось всем.

И тщетно Ка несло оковы, во время драки Гэ и Эр,

Гэ пало, срубленное Эр,

И Эр в ногах у Эля!

Пусть мглу времен развеют вещие звуки

Мирового языка. Он точно свет. Слушайте

Песни „звездного языка“

„Где рой зеленых“ ха для двух,

И Эль одежд во время бега,

Го облаков над играми людей,

Вэ толп кругом незримого огня

И ла труда, и лэ игры и пенья,

Че юноши—рубашка голубая,

Зо голубой рубашки—зареву и сверк.

Вэ кудрей мимо лиц

Вэ веток вдоль ствола сосен,

Вэ звезд ночного мира над осью,

Че девушек—червонная рубаха,

Го девушек—венки лесных цветов

И со лучей веселья,

Вэ люда по кольцу,

Эс радостей весенних,

Мо горя, скорби и печали.

И пи веселых голосов,

И лэ раскатов смеха,

Вэ веток от дыханья ветра

Недолги ка покоя

Девы! Парни, больше *пэ*! больше *пи*!
Всем будет *ка*—могила,
Эс смеха, *да* веревкою волос.
А рощи *ха* весенних дел,
Дубровы *ха* богов желанья,
А брови *ха* весенних взор
И косы—*ха* полночных лиц
И *мо* волос на кудри /длинные,
И *ла* труда во время бега,
И *вэ* веселья, *пэ* речей,
Па рукавов сорочки белой
Вэ черных змей косы,
Зи глаз.
Ро золотое кудрей у парней.
Пэ смеха! *пэ* подков! и бега искры!
Мо грусти и тоски,
Мо прежнего унынья.
Го камня в высоте,
Вэ волн речных, *вэ* ветра и деревьев.
Созвездье *го* ночного мира,
Та тени вечеровой—вева,
И *за-за* радостей—глаза.
Вэ пламени незримого толпа
И пенья *пэ*,
И пенья *ро* сквозь тишину
И криков *пи*.

Таков звездный язык.

Толпа: Это не плохо. Мыслитель!

Это будет лучше!

Зангези: Это звездные песни, где алгебра слов смешана с аршинами и часами. Первый набросок! Этот язык об'единит некогда, может быть скоро!

1-й прохожий: Он божественно врет. Он врет как соловей ночью. Смотрите, сверху летят летучки. Прочтем одну.

„*Вэ* значит вращение одной точки около другой (круговое движение).

Эль—остановка падения, или вообще движения, плоскостью поперечной падающей точке (лодка, летать).

Эр—точка, пересекающая насквозь поперечную площадь.

Пэ—беглое удаление одной точки прочь от другой, и отсюда для многих точек, точечного множества, рост об'ема (пламя, пар).

Эм—распыление об'ема на бесконечно малые части.

Эс—выход точек из одной неподвижной точки, сияние.

К—встреча и отсюда остановка многих движущихся точек в одной неподвижной. Отсюда конечное значение *ка* = покой; закованность.

Ха—преграда плоскости между одной точкой и другой движущийся к ней. Хижина, хата.

Че—полный объем, пустота которого заполнена чужим телом. Отсюда кривая, огибающая преграду.

Зэ—отражение луча от зеркала.—Угол падения равен углу отражения (зрение).

Гэ—движение точки под прямым углом к основному движению, прочь от него. Отсюда высота.

1-й слушатель: С своими летучками, он делается свирепым, этот Зангези! Что скажешь по этому поводу?

2-й слушатель: Он меня проткнул как рыбешку острой своей мысли.

Зангези: Слышите ли вы меня? Слышите ли вы мои речи, снимающие с вас оковы слов? Речи—здания из глыб пространства.

Частицы речи. Части движения. Слова—нет, есть движения в пространстве и его части. Точек площадей.

Вы вырвались из цепей ваших предков. Молот моего голоса расковал их—бесноватыми выбились в цепях.

Плоскости, прямые площади, удары точек, божественный круг, угол падения, пучек лучей прочь из точки и в нее—вот тайные глыбы языка. Поскоблите язык и вы увидите пространство и его шкуру.

Плоскость мысли.

IX.

Тише! Тише. Он говорит!

Зангези: Благовест в ум! Большой набат в разум, в колокол ума! Все оттенки мозга пройдут перед вами на смотре всех родов разума. Вот! Пойте все вместе за мной!

I.

Гоум.

Оум.

Уум.

Паум.

Соум меня

И тех, кого не знаю

Моум.

Боум.

Лаум.

Чеум.

Бом!

Бим

Бам!

II.

Проум
Праум
Приум
Ниум
Взум
Роум
Заум
Выум
Воум
Боум
Быум
Бом!

Помогайте, звонари, я устал.

III.

Доум.
Даум.
Миум.
Раум.
Хоум.
Хаум. Бейте в благовесть ума!
Вот колокол и веревка.

Суум.
Изуум.
Неум.
Науум.
Двуум.
Треум.
Деум.
Бом!

IV.

Зоум.
Коум.
Соум.
Поум.
Глаум.
Раум.
Ноум.
Нуум.
Выум.
Бом!
Бом! бом, бом!
Это большой набат в колокол ума.
Божественные звуки, слетающиеся
сверху на призыв человека.

Выум это изобр. Конечно, нелюба старого ведет к выуму. Ноум враждебный ум, ведущий к другим выводам ум, говорящий первому „Но“.

Гоум—высокий как эти безделушки неба, звезды, невидные днем. У падших государей он берет выпавший посох *Го*.

Лаум—широкий, розлитый, по наиболее широкой площади, не знающий берегов себе, как половодье реки.

Коум—спокойный, скovskyвающий, дающий устон, книги, правила и законы. Лаум с вершины сходит в толпы ко всем. Он расскажет полям, что видно с горы.

Чеум—подымающий чашу к неведомому будущему. Его зори—чезори. Его луч—челуч. Его пламя—чепламя. Его воля—чеволя. Его горе—чегоре. Его ноги—ченоги.

Моум—гибельный, крушащий, разрушающий. Он предсказан в пределах веры.

Взум—ум ученичества и верного подданства, набожного духа.

Оум—отвлеченный, озираюсь все кругом себя, с высоты одной мысли.

Изуум—выпрыг из пределов бытового ума.

Даум—утверждающий.

Ноум—спорящий.

Суум—половинный ум.

Соум—разум сотрудник.

Нуум—приказывающий.

Хоум—тайный, спрятанный разум.

Быум—желающий разум, сделанный не тем, что есть, а тем, чего хочется.

Ниум—отрицающий. *Проум*—предвидение. *праум*—разум далекой страны, ум-предок.

Боум—следующий голосу опыта.

Воум—гвоздь мысли, вогнанный в доску глупости. *Вьум*—слетевший обруч глупости. *Раум*—не знающий границ преград, лучистый, сияющий ум. Речи его—рогаги. *Зоум*—отраженный ум.

Прекрасен благовест ума

Прекрасны его чистые звуки.

Но вот Эм шагает в область сильного слова Могу. Слушайте, слушайте моговесь мощи!

Плоскость X-я.

Иди, могатырь!

Шагай, могатырь! можарь, можар!

Могун, я могею!

Моглец, я могу! могей, я могею!

Могей, мое я. Мело! Умело! Могей, могачь!

Моганствуйте очи! Мело! Умело!

Шествуйте, моги!

Шагай, могачь! могей, могачь!

Могуй, могачь! Руки! Руки!

Могунный, можественный лик! полный могебнов.

Могровые очи, могатые мысли, могебные брови!

Лице могды. Рука могды! mogna!

— Руки, руки!

Могарные, можеские, могунные,

Могесные, мощные! могивые!

Могесничай лик!

Многомогейные, могистые моги,

Это вы рассыпались волосы могиканами,

Могеичи—моговичи, можественным могом, могоентами,

Среди моженят—могушищ, могеичей можных,

Вьется один могушонок,

Можбой можеству могос могоатеев могатых.

В толпе моженят и моговичей.

Вода в клюве! Крылья шумят! ворона.
 Тороплюсь, не опоздать бы!
 Лице, могоатырь! Могай могоан!
 Могей, могоун!
 Могачь, могоай!
 Иду можарищем, можарю можарство можелью!
 Могачь, могоай! Могей, могоуй!
 Иди могоатырь!
 Мог моготы! можар могоавы!
 Могесник, мощник!
 Можарь мой ум, могоай рука! могоуй рука!
 Могоан, могоун и могоатырь!
 Иди!
 Могоай, могоан! могоей могоун!
 Глаза моговы, уста могоды!
 Могоатство могоачей! .

Это Эм ворвалось в владения бэ, чтоб не бояться его, выполняя долг победы. Это войска пехотные Эм размолоти глыбу объема невозможного, камень—дикарь. Невозможного на муку, на муравьиные ноши, из дерева сделали мох и муравья, из орла муху, из слона мышь и стадо мурашей и целое стало мукой бесконечно малых частей. Это пришло Эм, молот великого. Молью шубы столетий, все истребив.

Так мы будим спящих богов речи.

Дерзко трясем за бороду—проснитесь старцы! Я могогур и благовест Эм! Можар! можаров! К Эм, этой северной звезде человечества, этому сто-жару всех стогов веры,—наши пути. К ней плывет струг столетий. К ней плывет бус человечества, гордо надув паруса государств.

Так мы пришли из владений ума в замок „Могоу“.

Тысяча голосов (глухо); Могоу!

(еще раз)

Могоу!

(еще раз).

Могоу!

Мы можем!

Горы, дальние горы:—Могоу!

Зангези: Слышите горы расписались в вашей клятве. Слышите этот гордый росчерк гор „Могоу“ на выданном вами денежном знаке?

Повторенное зоем ущелья тысячами голосов? Слышите боги летят, вспугнутые нашим вскриком?

Многие: Боги летят, боги летят!

Плоскость XI-я.

Боги шумят крылами, летя ниже облака.

Гагага га гэгэ гэ!

Боги: Грака хата гророро
Лили эги, ляп, ляп, бэмь.
Либбиби нираро
Синоано цицириц.
Хню хмапа, хир зень, ченчь
Жури кика син сонэга.
Хахотири эсс ссэ.
Юнчи, энчи, ук!
Юнчи, энчи, пипока.
Клям! клям! эпс!

Многие: Боги улетели, испуганные мощью наших голосов. К худу или добру?

Плоскость XII-я.

Зангези: А, шагает Азбука!
Страшный час! Бревна Эм
Стали выше облака.
Тяжко шагает Ка
Снова через труп облака тянутся
Копья Гэ и Эр, и когда они
Оба падут мертвыми, начнется
Страшная тяжба Эль и Ка
Их отрицательных двойников.

Эр наклоняясь в зеркало—нет единицы—видит Ка; Гэ увидит в нем Эль. Выше муравейника людей, свайная постройка битвы загромоздила небо столбами и плахами, тяжелой свайной войной углов из бревен.

Но ветер развеял все.

Боги улетели испуганные мощью наших голосов. А вы видали как Эль и Ка стучат мечами? И из бревен, свайный кулак Ка, протянул к суровым свайным латам Эль.

А! Колчак, Каледин, Корнилов только паутина, узоры плесени на этом кулаке? Какие борцы схватились и борются за тучами? Свалка Гэ и Эр, Эль и Ка! Одни хрипят, три трупа, Эль одно. Тише.

XIII.

Зангези: Они голубой тихославль, они голубой окопад. Они в никогда улетабль, их крылья шумят не впопад.

Летуры летят в собеса толпою ночей исчезаев.

Потоком крылатой этоты,

Потопом небесной нетоты.

Летели незурные стоны,

Свое позабывшие имя,
Лелеять его нехотяи.
Умчались в пустыни зовели,
В всегдаге небес иногда,
Нетава, земного нетава!
Летоты, летоты инес!
Вечернего воздуха дайны
Этавель задумчивой тайны,
По синему небу бегуричи,
Нетуричей стая незуричей
Потопом летят в инеса,
Летуры летят в собеса!
Летавель могучей виданой,
Этой безвестной и странной.
Крылом белоснежные махари,
Полета усталого знахари,
Сияны веянами дахари.
Река голубого летога,
Усталые крылья мечтога,
Широкие песни ничтога
В созвездиях босы,
Там умерло ты.
У них небесурные косы,
У них небесурные рты!
В потоке востока всегдава,
Они улетят в никогдавель.
Очами земного нетеж,
Закона земного нетуры,
Они в голубое летеж
Они в голубое летуры.
Окутаны вещею грустью,
Летят к доразумному устью,
Нетурные крылья, грезурные рты!
Незурные крылья, нетурные рты!
У них небесурные лица,
Они голубого столица,
По синему небу бегуричи!
Огнестром лелестра небес.
Их дико грезурные очи,
Их дико незурные рты.

Ученики: Зангези! Что нибудь земное! Довольно неба! Грянь комаринскую! Мыслитель, скажи что нибудь веселенькое. Толпа хочет веселого. Что поделаешь—время послеобеденное.

Зангези: Слушайте.

Верхарня сырых гор.

Бегава вод в долину.

И бьюга водопада об утесы.

Седыми бивнями волны.

И сивни облаков

Нетоты тучь.

Над хивнями травы.

И бихорь седого потока.

Великой седьни воды

Я божестварь на божествинах! иду по берегу.

А там стою как стог.

И черный Мамонт полумрака чернильницей пролитой

В молоке ущелья.

Поднявший бивень белых вод.

Грозит травы божеств—ежу и топчут сваи лебеду,

Чтобы стонала боже, боже!

Грозит и в пропасть упадает.

Пел петер дикой степи,

Лелепр синее ночей,

Весны хорошава ночная, верхарня травы где ветра ходно,
на небе огнепр

Сюда, Мластелины! Младыки сюда!

Здесь умер волестр, о ветер сладьки.

И гибельный гнестр

И хивень божеств. А Я, божестварь, одинок.

В толпе: Безумью барщина

И тарабарщина

На каком языке господин Зангези?

Зангези: Дальше:

А вы сапогоокне девы,

Шагающие смазными сапогами ночей

По небу моей песни,

Бросьте и сейте деньги ваших глаз

По большим дорогам!

Вырвите жало гадюк

Из ваших шипящих кос!

Смотрите щелками ненависти.

Глупоствоварь, я пою и безумствую!

Я скачу и пляшу на ужасе.

Когда пою, мне звезды хлопают в ладоши.

Стою, Стою! Стойте!
Вперед, шары земные!
Так я великий заклинаю множественным числом
Уножарь земного шара: ковыли толпами земель
Земля крутись комариным роем: я один скрестив руки.
Гробизны певцом
Я небыть. Я таковичь.

Плоскость XIV-я.

Но вот песни звукописи: где звук то голубой, то синий, то черный—
то красный.

Звук о п и с ь.

Вэо—вэя—зелень дерева
Нижеоты—темный ствол
Мам—Эами—это небо,
Пучь и чапи—черный грачь.
Мам и эмо—это облако
Запах вещей числовой.
День в саду.

А вот ваш праздник труда.

Лели—лили снег черемух заслоняющих винтовку.
Чмчечача—шашки блеск
Біээнзай—аль знамень
Зіээгзой—почерк клятвы.
Бобо-биба—аль околыша
Мипиопи—блеск очей серых войск.
Чучу биза—блеск божбы.
Миведа—небеса
Мипиопи—блеск очей
Вэава—зелень толп!
Мимомая—синь гусаров
Зизо зея—почерк солнц
Солнцеоких шашек рожь.
Лели-лили—снег черемух
Сосесао—зданий горы..

С л у ш а ю щ и е:—Будет! Будет! Довольно!
Соленым огурцом в Зангези!
Ты что нибудь мужественное! Поджечь его!
Смотри даже заяц выбежал слушать тебя
Чешет лапой ухо, косой

Зангези: Брось заячье зайцам.

Мы ведь мужчины

Смотри сколько здесь собралось!

Зангези! Мы заснули. Красиво но не греет.

Плохие дрова срубил ты для отопки наших печей. Холодно.

Плоскость XV-я.

Падучая.

Что с ним? Держи его

Азь—два... Ноги вдевать в стремена! Но-жки! Азь-два.

Готов...

Ишь, гад! Стой... урр... урр.

—Белая рожа! Стой, не уйдешь! Не уйдешь!

Стой, курва, тише, тише!

Зарежу как барана... —Стой гад!

Стой, гад. Ать!

Хырр... хырр...

Урр.

Урр...

Не уйдешь...

Врешь... Стой

Стой...

Урр... уррр..

Хырр..

Хрра...

Ать!

Ать! Ать!

Врешь, курва.

Сволочь

А! Господа мать!

Не спас головы

Для красной свободы...

Первый осетинский конный
полк,

Шашки выдер-гать

—Вон! за мной!

Направо руби,

Налево коли!

Урр. . урр...

Не уйдешь!

Слушай, браток:

Нож есть?

Зарежу—купец,

Врешь не удержишь!

А! в плену... врете

Ать! Ать!

Зангези: С ним припадок.

Страшная война посетила его душу.

И перерезала наши часы точно горло.

Этот припадочный,

Он нам напомнил,

Что война, еще существует.

XVI.

Трое: Ну, прощай Зангези! (уходят)

Дорога сборищу тесна

—Мы где увидимся?
В могиле братской?
Я самогону притащу,
Аракой бога угощу
И созовем туда марух—Эх!
Курится?
—Петух!

На том свете я примаю от трех до шести.
Иди смелей боятся дети
А мы уж юности прости
По нашенски, напьемся по простецки, по дурачки.
Потом святого в лоск напоим.
Одесса—мама запоем.
И пусть пляшут аца-ца!
Возле мертвого донца.
Даешь, Зангези?

Зангези:—Спички судьбы

Трое: Есть.

Зангези: Нет, не бывает у бури кавычек

Требовал смерти у Рюриковичей
Пылкий, горячий Рылеев.
В каждом течет короле яд,
И повис, неподвижно шагая,
Смерть для Рылеева цепей милее
Далее мчится буря нагая
Дело свободы, все же ты начато!
Пусть тех могилы тихи.
Через два в тринадцатой
Сорок восьмого года
Толп, красных толп пастухи.
Ветер свободы,
День мировой непогоды!
И если восстали поляки,
Не боясь у судьбы освистанья,
Щеку и рот пусть у судьбы раздирает свисток,
Пусть точно дуло, точно выстрел суровый,
Точно дуло ружья, смотрит угрюмый восток
На польского праздник восстанья,
Через три в пятой или двести сорок три
Червонцами брошенных дней
Вдруг загорелся, как смерть в одиночке
Выстрел в грудь Берга, мертвой

Мятежников точки.
Польши смотрителя, Польши наместника.
Звона цепей упорного вестника.
Это звена цепей блеснули:
Через три в пятый день мести
И выстрела дыма дыбы.
Гарфильд был избран, посадник Америки
Лед недоверия пробит
Через три в пятой—звери какие
Гарфильд убит.
И если востока орда
Улицы Рима ограбила,
И бросила белый град черным оковам,
Открыла для стаи вороньей обед,
Через два раза в одиннадцатой три,
Выросла снова гора черепов
Битвы в полях Куликова
Это Москва переписывала набело
Чернилами первых побед
Первого Рима судьбы черновик.
Востока народов умолк пулемет,
Битвой великою кончилась
Обойма народов востока.
Мельник времен
Из костей Куликова,
Плотину построил, холм черепов
Окрик несется по степи: Стой!
Это Москвы часовой.
Волны народов одна за другой
Катились на запад
Готы и гунны с ними татары
Через дважды в одиннадцатой три
Выросла в шлеме сугробов Москва,
Сказала востоку ни шагу
Там, где земля от татар высыхала
Долго блистал их залив
Ермак с головою нахала
Суровую бровь углом заломив,
Ветру поверив широкую бороду,
Плыл по прекрасным рекам Сибири
К Кучума далекому городу
Не остановит его.

Победителя жребий
В зеркале вод отражался
Звезды блистали Искера
И полумир переходит к Москве.
Глядели на русских медвежие хари
Играли в камнях медвежата,
Толпилися лось и лосята.
Манят и дразнят меха соболей
Толстых бояр из столицы,
Шли воеводы на поиск землицы,
Плыли по морю по северным льдам.
Вслед за отходом татарских тревог
Это Рус пошла на восток;
Через два раза в десятой степени три
После взятия Искера,
После суровых очей Ермака,
Отраженных в сибирской реке.
Наступает день битвы Мукдена.
Где много земле отдали удали.
Это всегда так, после трех в степени энной
Наступил отрицательный сдвиг.
Стессель стал Ермак
Через три в десятой степени дней
И столько же.
Чем Куликово было татарам,
Тем грозный Мукден был для русских.
В очках ученого пророка
Его видал за письменным столом
Владимир Соловьев.
Ежели Стессель любил поросят
Был он Ермак через три в десятой.
И если Болгария
Разорвала своего господина цепи
И свободною встала после стольких годов
Решеньем судилища всемирного
Долина цветов
Это потому что прошло
Три в одиннадцатой
Со дня битвы при Тырнове.
Киев татарами взят
В храмах верблюды храпят,
Русская взята столица,

Прошло три в десятой
И в горах Ангоры
Сошлись Тимур с Баязетом.
И пусть в клетке сидит Баязет.
Но монголам положен отпор
Через степени три
Смена военной зари.
Древнему чету и нечету
Там покоряется меч и тут.
Есть башня из троек и двоек
Ходит по ней старец времен.
Где военных знамен воздух клевали лоскутья
И кони упорно молчат,
Лишь звучным копытом стучат
Мертвый! Живой! все в одной свалке!
Это железные времена полки
Оси событий из чучела мира торчат.
Пугала войн проткнувшие прутья.
Точно железные в чучеле прутья.
Проволока мира число.
Что это? Истины челны?
Иль пустобрех?
Востока и запада волны
Сменяются степенью трех!
Греки боролись с персами, все в золотых шишаках:
С утесов бросали суровые в море.
Марафон и разбитый восток
Хлынул назад, за собою сжигая суда,
Гнались за ними и пересекли степи они.
Через четырежды
Три в одиннадцатой степени
Царьград секиры жди!
Храм запыляет окурком
Все будет отдано туркам
Князь твой погибнет в огне
На белом прекрасном коне.
В море бросает свою прибыль
Торговец, турки идут, съ ними же гибель.
17-й год. Цари отреклись. Кобылица свободы!
Дикий скачъ напролом.
Площадь с сломанным орлом.
Отблеск ножа в ея

Темных глазах
Не самодержавию
Ее удержать.
Скачет развеяв копытами пыль
Гордая скачет пророчица.
Бьется по камням, волочится
Старая мертвая быль.
Скачет куда и кому?
Никогда не догоните!
Пыли и то трудно угнаться то.
Горят в глазах огонь и темь
Это потому
И затем,
Что прошло два в двенадцатой
Степени дней
Со дня алой Пресни
Здесь два было времени богом
И паденье царей с уздечкой в руке,
И охота за ними улю-лю вдалеке
Выла вдаль увлекательным рогом.
Пушечной речью
Потрясено Замоскворечье. Минин
Мина снарядам кудрями чугунными
Кланялся низко
Нижегородец
Справлялись Мина именины,
А рядом
Самых красивых в Москве богородиц
В глубинах часовен
Хохот глушил гор Воробьевых.
Это Пушкин как волосы длинные
Эн отрубил
Он сам прочел Онегина железа и свинца
В глухое ухо толп. Он сам взойдет на памятник
Через три в пятой дней
Сделался снег ал.
И не узнавали Мина глаза никого
Народ забегал
Мина убила рука Коноплянниковой.
Через три в пятой двести сорок три дня
Точно, что всего обидней
Приходит возмездие.

Было проделано чудо жестокости
В'елось железо человечеству до кости
Пушки отдыхали лишь по воскресеньям
Ружья воткнуть казалось спасеньем.
Приказ грозе и тишине
Германский меч был в вышине.
И когда мир приехал у кого то договора на горбах
Через три в пятой
Был убит эсером Мирбах.
Если в пальцах запрятался нож
А зрочки открывала настезью месть
Это время завыло: даешь,
А судьба отвечала послушная: есть.

(К Зангези подводят коня. Он садится.)

Зангези: Иверни выверни
Умный игрень!
Кучери тучери,
Мучери ночери,
Точери тучери, вечера очери
Чотками чуткими
Пали зари.
Иверни выверни,
Умный игрень!
Это на око
Ночная гроза,
Это наука
Легла на глаза!
Вдоль свободы
Без погонь!
Ходы, ходы!
Добрый конь.

Он едет в город.

Зангези: Я, волосатый реками!
Смотрите, Дунай течет
У меня по плечам!
И, вихорь своевольный,
Порогами синее Днепр,
Это Волга блеснула синими водами.
А этот волос длинный,
Беру его пальцами,

Амур, где японка
Молится небу
Хороший плотник часов,
Я разобрал часы человечества,
Стрелку верно поставил,
Лист чисел приделал,
Вновь перечел все времена,
Гайку внедрил долотом.
Ход стрелки судьбы 'железного неба
Стеклом заслонил
Тикают тихо как раньше.
К руке ремешком прикрепил
Часы человечества.
Песни зубцов и колес.
Железным поют языком.
Гордый, еду, починкой мозгов.
Идут и ходят как прежде.
Глыбы ума, понятий клади,
И весь умерших дум обоз,
Как боги лба и звери сзади,
Полей божественных утес.
Кладите как колосья в веселые стога
И дайте им походку и радость и бега.
Вот эти кажутся челом мыслителя,
Священной песни книгой те.
Рабочие, завода думы жители!
Работайте, носите, двигайте!
Давайте им простор, военной силы бег,
И ярость, и движенье.
Пошлите на ночлег
И беды, и сраженья,
И кудри молодца,
Бегут пусть от отца.
Поставьте в поезда, ночные пароходы;
Где зелень темных звезд,
Чтобы через кадык небес вести
Людей небесные пути.
И чтоб вся мощь и свежесть рек
Влекла их на простор, охотничий ночлег.
Чтобы неподвижной глыбой снов
Лежал бы на девичьем сене,
Порядок мерных слов,

Усталый и весенний
Вперед, шары земные!
Если кто сетку из чисел
Набросил на мир,
Разве он ум наш возвысил?
Нет, стал наш ум еще более сир!
Раньше улитка и слизи
Нынче орлиные жизни.
Более радуг в цвета!

Та—та!

Будет земля занята
Сетью крылатых дорог.

Та—та

Ежели скажут: ты бог,
Гневно ответь клевета,
Мне он лишь только до ног!
Плечами равна ли пята?

Та—та!

Лета лета!

Люди растаявший лед.
Дальше и дальше полет.
В великих погонях
Бешеных скачек
На наших ладонях
Земного шара мячик.
В волнах песчаных
Моря качались, синей прическе,
Сосен занозы.
Почерком сосен
Была написана книга—песка,
Книга морского певца.
Песчаные волны где сосны стоят
—Свист чьих то губ.
Дышащих около.
Шумит грызя молчание
Как брошенную кость
Зверь моря синемехий и синебурый
Дневное море.
Бьется в берег шкурой.
Подушка—камень,
Терновник—полог,
Прибой моря—простыня,

А звезд ряды—ночное одеяло.
Отшельнику себя,
Морских особняков жильцу,
Простому ветру.
Мной недовольное ты!
Я, недовольный тобой!
Льешь на пространстве версты
Пену корзины рябой.
Сваи и сваи, и сваи!
На свайных постройках лежит
Угроза, созревшая в тайнах
Колосьями сумрачных жит!
Трудно по волнам песчаным тащиться!
Кто это море цветов продавщица,
На берег выдь, сядь рядом со мной!
Я ведь такой же простой и земной!
Я, человечество, мне научу
Ближняя солнца
Честь отдавать.
Ась! два!
Рявкая солнцам сурово!
Я воин; время—винтарь.
Мои обмотки:
Рим пылающий, обугленный, дымный
Головешка из храмов,
Стянутый уравнениями туго.
Весь поперек.
—Одна моя обмотка.
И Царьград, где погибает
Воин в огне,
—Другая тоже хорошая.
Я ведь умею шагать
Взад и вперед
По столетьям.
Онучи туги:
Ну, дорогу други!
Слышу я просьбу великих столиц;
Боги великие звука,
Пластину волнуя земли,
Собрали пыль человечества,
Пыль рода людей,
Покорную каждому устоям,

В большие столицы.
В озера стоячей волны.
Курганы из тысячных толп.
Мы дышим ветром на вас,
Свищем и дышем.
Сугробы народов метем,
Волнуем, волны наводим и рябь,
И мерную зыбь на глади столетий!
Войны даем вам
И гибель царств.
Мы, дикие звуки,
Мы, дикие кони.
Приручите нас:
Мы понесем вас
В другие миры
Верные дикому
Всаднику
Звука.
Лавой беги человечество, звуков табун оседлав
Конницу звука взнуздай!

Горе и смех

Зангези уходит прочь.

Горы пусты.

На площадке козлиными прыжками появляется Смех, ведя за руку горе...

Он без шляпы, толстый, с одной сергой в ухе, в белой рубашке. Одна половина его черных штанов синяя, другая золотая. У него мясистые веселые глаза.

Горе одета во все белое, лишь черная с низкими широкими полями шляпа.

Горе: Я горе, Любую доску я
Пойму, как царевну печаль!
И так проживу я тоскую,
— О ветер мне косы мочаль!
Я когтями впился в тело
Руками сдавила виски.
А ласточка ласково пела
О странах где нету тоски.
И точно в долину, в меня

Собралась печаль мировая
И я прославляю кляня
Кто хлеба лишен коровая,
Зачем—же вы, очи умерших,
Крылами плескали нужды?
Я рыбу бьюся в их вершах,
Русалка не здешней, воды!

Смех: В горах разума пустяк,
Скачет легко точно серна.
Я веселый могучий толстяк,
И в этом мое верую.
Чугунной скачкою моржа
Я прохожу мои пути.
Железной радугой ножа
Мой смех умеет расцвести.
Жестокой силою ножа
Мой смех умеет расцвести.
Рукою мощной подбоченясь, труся подковами полы.
Трясу единственной серьгой.
Дровами хохота полениц
Топлю мой разум голубой.
Ударом в хохот укажу
Что за занавеской скрылся кто-то.
И обувь разума разую
И укажу на пальцы пота
Ты водосточною трубой
Сосешь дожди ночных небес.
Протянута к глазам небес.
А я безумец и другой
Я жирными глазами бес
(Курись пожарами кумирень,)
Гори молельнями печали!
Затылок мой, от смеха жирен.
Твои же руки обнимали,
Твои же губы целовали.
И точно крыши твердой скат я в непогоде каждой сух
А ты как та, которой кат, клещами вынимает дух.
Я сух во время града слез.
А ты как та, которой кат
Полночных пыток чашу нес.
На колесе привязана святою,
Застенок выломал суставы,

Ты, точно строчка запятою,
Вдруг отгородилась от забавы.
А я тяну улыбки нитки,
Где я и ты,
Тебе на паутине пытки,
Мои даю цветы.
И мы как две ошибки
В лугах ночной улыбки
Я смех, я громоотвод
От мирового гнева.
Ты водоем для звездных вод,
Ты мировой печали дева.
Всегда судьбой меня сметишь:
Чем более грустна ты,
Тем ярче в небе шиш
Им судьбы тароваты.
Ты вечно, вечно надсметишь
За всех горя и грустя:
Получишь только, только шиш.
Руки священной пусть шутя.
Твоя душа густой ковер,
Где ходят ноги звезд.
А я вчера на небе спер
Словарь недорогих острот
Колени мирового горя.
Руками обнимая, плачешь,
А я с ним подерусь, поспорю
И ловко одурачу
У каждого своя цель
И даже у паяца.
Но многие боятся
Твоих нездешних глаз.
И ежели золу ем,
Она невкусная пойми!
Ты все же тихим поцелуем
Мне поручи нёсешь любви
И вечно ты ко мне влекома
И я лечу в твою страну.
И как пшеничная солома
Ты клонишь нежную вину.
Я жирным хохотом трясуся
И над собой и над судьбой

Когда порой бываешь «дуся»
Моей послушною рабой.

Старик: Потомков новые рубли
Для глаза божьего сквозны,
Кладу в ночные котелки
Гробами звякнувшей казны.
Два холма во времени
Дальше чем глаза от темени,
Я ученическим гробам
Скажу не так, скажу не там.
Хранитель точности, божбам
Веду торговые счета.
Любимцы нег, друзья беды,
Преступники и кто горды
Мазурики и кто пророки
В одном потоке чехарды
Игра числа и чисел сроки.
Вот ножницы со мной,
Зловеще лязгая стригу
Дыханье мертвой беленой
И смеха дикое гу—гу.
Я роздал людям пай на гроб,
Их увенчал венками зависти.
И тот в поту чей мертвый лоб
Не смог с меня глаза вести
Носитесь же вместе, горе и смех,
Носитесь как шустрые мыши.
Надену свой череп и белый доспех
И нежитью выгляяну с крыши,
И кости безумного треска
Звенят у меня на руке.
Ах, если бы вновь занавеска открылась бы вновь вдалеке.
И глаз опрокинутых Китежи
Пусть горе закроет ресницей,
Бегите же, дети, бегите же!
Что в жизни бывает не снится.

Смех: Я смех, я громоотвод
Где гром ругается огнем,
Ты горе для потока вод
Старинный водоем.
И к пристани гроза
Летит надменною путиной

Я истины глаза
У горя видывал из тины.
Я слова бурного разбойник,
Мои слова—кистень на Волге!
Твоей печали рукомойник
Мне на руки льет струи долги.

Горе: Сумрак—умная печаль!

Сотня душ во мне теснится
Я не здешняя, вам жаль,
Невод слез—мои ресницы,
Пляшу Кшесинскую пред гробом
И в замке дум сижу Потоцкой
Перед молчанием Гирея.
А в детстве я любила клетки
Веселых Снегирей.
Они глазам прохожих милы.
Они малиновой весной зоба
Как темно-красные цветы
На зимнем выросли кусту.
Но все пустынно и не ты
Сорвешь цветы с своей могилы,
Развеешь жизни пустоту.
Мне только чудится оскал
Гнилых зубов внизу личины,
Где червь тоскующий искал
Обед из мертвечины.
Как синей бабочки крыло
На камне
Слезою черной обвело
Глаза мне.

Смех: Что же мы соединим

Наши воли, наши речи!
Смех никем не извиним,
Улетающий далече!
Час усталый, час ленивый!
Ты кресало, я огниво
Древний смех несу на рынок.
Ты, веселая толпа,
Ты увидишь поединок
Лезвия о черепа
Прочь, одежды! прочь, рубахи!
По дороге черепов поползете черепахи!

Скинь рубашку с полуплечь
И в руке железный волос
Будет мне грозить как меч,
Как кургана древний голос.
Точно волны чернозема
Пусть разсыпется коса,
Гнется, в грудь мою ведома,
Меди тонкой полоса.
И простор твоих рубах
Не стесняемый прибоем,
Пусть устанет о рабах
Причитать печальным воем.
Дерзкой волею противника,
Чешую проколет рыбью:
Час и череп, чет и нечет!
Это молнии железные
Вдруг согнулись и перечат,
—Узок узкий путь над бездною!
На снегах твоей сорочки
Алыми вырастут шиповники.
Это я поставил точки
Своей жизни, мы виновники!
Начинай же, начинай!
И в зачет и не в значай!
Точно легкий месяц Ай!
Выбирай удачи пай!
Пусть одеты кулаки
Рукоятью в шишаки.
Темной проволочной сеткой.
От укуса точно пчел
Отбивает выпад меткий
Их числа никто не счел.
И удары за ударом,
Искры сыпятся пожаром.
Искры сыпятся костром.
Время катится недаром,
Ах, какой полом!

(Смех падает мертвый, зажимая рукоятью красную пену на боку).

ВЕСЕЛОЕ МЕСТО. Двое читают газету.

Как? Зангези умер!

Мало того, зарезался бритвой

Какая грустная новость.

Какая печальная вест!

Оставил краткую записку:

„Бритва, на! мое горло“.

Широкая железная осока

Перерезала воды его жизни, его уже нет...

Поводом было уничтожение

Рукописей злостными

Негодяями с большим подбородком

И шлепающей, и чавкающей парой губ.

Зангези (входя): Зангези жив

Это была неумная шутка.

(Продолжение следует).

**Reprint by Ardis Publishers
2901 Heatherway
Ann Arbor, Mich. 48104
April 1978. 500 copies.**

Печатаются и вскоре выйдут

„Доски Судьбы“

Велемира Хлебникова

со „взором на 23-й год“.

Цена 60 коп.
золот. по курсу Госбанка.

Р. В. Ц. № 1426.

Тираж 2000 экз.

Типо-лит. Упр. ОГЭС. Москва.

Склад книги: Москва, Кривоникольский, д. 5, кв. 16. Телефон 3-61-35.